

МОВОЗНАВСТВО

ПИТАННЯ ЛЕКСИКИ І ФРАЗЕОЛОГІЇ

УДК 811.112:16

DOI 10.31494/2412-933X-2018-1-5-9-17

Прохорова П. В.,

кандидат філологічних наук,
Запорозький національний університет
polinapro2025@gmail.com

ОНЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассмотрена проблема взаимосвязи сомнологии и лингвистики. На основе анализа теоретических источников и практических работ делается вывод о необходимости лингвистического корректирования научного подхода в исследовании сомнологических феноменов.

Дается очерк тематики онейрологии – граничащей с философией и рядом специальных наук. Рассматривается природа сновидений в человеческой жизни и культуре. Статья посвящена особенностям темпоральности мышления, сновидений и их интерпретаций. Рассматривается проблема темпоральных модификаций и лингвистической репрезентации сновидений в немецком художественном дискурсе.

Ключевые слова: сомнология, темпоральность, язык, мышление, интерпретация, сон.

Summary

The problem of interconnection of somnology and linguistics has been considered in the article. The article presents the essay of the oneyrolgy subject. The nature of dreams in human life and culture is considered. This article is devoted to peculiarities of thinking temporality, dreams and their interpretation.

Key words: somnology, temporality, language, thinking, interpretation, dream.

В любом из современных языков темпоральность является одной из самых существенных семантико-грамматических категорий. Этому явлению посвящено необозримое количество исследований в рамках исторических и синхронных исследований. Хотя с появлением онейролингвистического направления открываются новые перспективы развития теории темпоральности, оценка которых и составляет основную **цель и задачи** предлагаемой работы.

Известно, что лингвистическая темпоральность является преломлением мыслительного восприятия и интерпретации реального времени, в основе которых заложены философские трактовки этой категории.

Категорию времени обычно было принято связывать с восприятием “смены событий..., их круговорота. То, что Гераклит обобщенно выразил в виде афоризма “все течет...”, человек непосредственно наблюдал и осознавал. Так возникло представление о длительности” [4, 185]. К примеру, И. Ньютон полагал: время “само по себе и по самой своей

сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью” [5, 30]. Надо заметить, что намного ранее Аристотель, связывал время с реальным движением, структурой реальных процессов и считал, что вне этих процессов оно не существует. Такое представление привело к тому, что и человек “стоит внутри тройного простирания и выносит эту определяющую простирание отказывающе-задерживающую близость. Время не сделано человеком, человек не поделка времени” [6, 93-94]. Именно на подобном представлении в языке человека появились такие обиходные понятия, как “давно”, “недавно”, “вчера”, “завтра” и т. п. И лишь в дальнейшем научном познании мира время обрело современную дискретность – “год”, “месяц”, “час”, “минута” и пр.

Ж. Делез намечает два подхода к пониманию времени: Хронос – настоящее время, по отношению к которому измеряются прошлое и будущее, и Эон – прошлое и будущее, развивающиеся в двух направлениях одновременно. Лишь вторым язык наделяется смыслом, бестелесным атрибутом события, который выражается в предложении, но не сливается ни с ним, ни с вещами. Свернутым событием в языке представляется глагол, несущий в себе его внутреннюю темпоральность [2].

Эта точка зрения частично перекликается с представлением М. Хайдеггера, который утверждал, что, настоящее вместе с прошлым и будущим образуют характеристику времени. “Настоящее время – едва лишь мы его назвали, как сразу подумали о прошедшем и будущем, о более раннем и о более позднем, в отличие от “теперь”... Если нам нужно обозначить время от настоящего, то мы понимаем настоящее как “теперь”, в отличие от уже-более-не-(теперь) прошедшего и пока-еще-не-(теперь) будущего” [6, 81].

Далее он продолжил: “Подлинное время – четырех измерений. Однако то, что мы называем четвертым при перечислении, на деле является первым, т. е. все определяющим подаванием. Оно выдает в будущее, в прошедшее и в настоящее им собственное присутствие, держит их отдельно – в просвете – друг от друга и в такой близости друг к другу, из которой эти три измерения накладываются друг на друга” [6, 91-92].

В традиционной лингвистике темпоральность определяется как “семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории” [1, 5].

Лингвистическая темпоральность в ходе эволюции языка обрела довольно разветвленную систему отображения вариантов семантической категории реального и ирреального времени. Так, к примеру, в древневерхненемецком языке в функциональном аспекте отмечены лишь два способа временного глагольного отображения действий – настоящее время (Präsens) и прошедшее (Imperfect). Под влиянием латыни в европейских языках (романских и германских) сложилась достаточно сложная (по сравнению со славянскими) лексико-синтаксическая система абсолютных и релятивных временных форм. Они несомненно вписываются в трехмерную парадигму времени (четвертое измерение М. Хайдеггера релевантно лишь для философского понимания этого явления) и отображают реальное время и многообразие его ирреальных форм.

С точки зрения классической философии и философии языка проблема времени выглядит решенной вполне гармонизировано, и результат решения воспринимается как упорядоченный и бесспорный. Но, ведь, познание мира не имеет пределов. Вполне допустимо, с лингвофилософской точки зрения, введение в устоявшуюся систему новой категории – категории сомнологического времени или, экстраполируя эту категорию в систему языковой темпоральности, говорить о весьма специфическом нейролингвистическом времени. На чем же основано подобное предложение?

В последнее время среди исследовательских направлений значительную активность демонстрирует научная сомнология – наука, занимающаяся проблемами исследования физиологии сна, его нарушений и характера сновидений. Надо заметить, что это направление никоим образом не связано с предшествующими ненаучными истолкованиями сновидений.

Сомнологами установлено, что значительную часть жизни нормальный человек “проживает” во сне. Существует множество теорий сна и сновидений. Например, интересна “гештальт-терапия”, которая “утверждает, что все без исключения образы сновидений – это части нашей многогранной личности. И, как в спектакле, мы видим, как эти части нас ведут друг с другом переговоры... Сон не про кого-то и о ком-то. Наши сны сняты нам и о нас, пытаюсь, когда снят сознательный контроль и фильтр переживаний, разрешить нам сказать самим себе собственную правду” [3]. Однако проблематика структуры сновидения не входит в предмет предлагаемого исследования, нас интересует философский аспект двуплановости времени, можно сказать, “параллельности”, точкой пересечения двух осей времени (вопреки представлению классической геометрии) является физическое состояние человека.

Реальный человек, находясь в реальном времени, видит сновидение, т.е. ирреальные события в квази-реальном времени. Здесь сопрягаются

два типа темпоральности: реальное время бытия и “реальное” сновидения – продукт деятельности головного мозга. Эти темпоральности имеют определенную специфику. Реальное время вне сна отображается разветвленным набором языковых средств. Для немецкого языка это (от нижнего предела вверх) – Plusquamperfekt, Perfekt, Imperfekt, Präsens, Futurum I (второе будущее практически вышло из употребления). В русском языке этот набор значительно проще, но при этом осложняется глагольными категориями “завершенности/незавершенности”. Онейролингвистическая темпоральность в отличие от реальной всегда, как показали анкетные опросы, в подсознании спящего представляется только настоящим временем. Не случайно в устном нарративе человек, воспроизводя сновидение, всегда оперирует формулой типа “Снится, будто я иду... Вижу...”. В русском и немецком языках эта формула одинакова. В первом она основана на сослагательном наклонении глагола, во втором – на изначальном употреблении конъюнктива. Подчеркнем еще раз – “во сне человек проживает свою “квази-жизнь”. И эта квази-жизнь находит языковое отображение в воспроизведении сновидений на протяжении всей истории человечества” [11, 138], варьируясь в текстах художественного дискурса.

Языковое воспроизведение сновидений имеет ряд особенностей. Если в устном изложении оно ведется от первого лица, то в текстах художественного дискурса, как правило, осуществляется от третьего лица – “Ей приснилось, что она шла...” и пр. Однако, достаточно редко, в художественном дискурсе используется комбинированное повествование, при котором повествователь (автор) буквально следует за субъектом сновидения, вербализуя все его действия и ощущения.

Примером такого подхода является “Сон Татьяны” в романе А. Пушкина “Евгений Онегин” с блестящим переводом на немецкий язык. Начальная строфа (XI) демонстрирует особенности лексико-синтаксического использования наклонения, свидетельствующие об авторской интерпретации сновидения “истинного” субъекта сновидения:

И снится чудный сон Татьяне.

Und schaut im Traume Wunderdinge.

Ей снится, будто бы она

Ihr ist im Traum, als ob im Schnee

Идет по снеговой поляне,

Sie über eine Lichtung ginge

Печальной мглой окружена;

Und Nebel traurig sie umweh;

Если у А. Пушкина использовано сослагательное наклонение с лексическим указанием “будто бы”, то в немецком переводе мы имеем дело с оборотом “als ob” и далее с глагольными формами конъюнктива презенса.

Абсолютно совпадает со структурой оригинала и перевод М. Рыльского на украинский (тоже славянский) язык:

І сниться дивний сон Татьяні.

Їй сниться, нібито вона

Іде по сніговій поляні;

Навколо ночі мла сумна.

В аналогичном времени представлены события во всех последующих фрагментах сновидения, представленного в “кинематографическом” ключе. Даже в немецком переводе изложение ведется в индикативе. Обратимся, к примеру, к стиху XIII:

<i>Она, взглянуть назад не смея,</i>	<i>Sie wagt es nicht, sich umzusehen,</i>
<i>Поспешный ускоряет шаг;</i>	<i>Beschleunigt noch den raschen Schritt,</i>
<i>Но от косматого лакея</i>	<i>Dem Zotteldienstmann zu entgehen,</i>
<i>Не может убежать никак;</i>	<i>Doch Meister Petz hält wacker mit</i>
<i>Кряхтя, валит медведь несносный;</i>	<i>Und ächzt beim Watscheln unerträglich.</i>
<i>Пред ними лес; недвижны сосны</i>	<i>Im Wald vor ihnen unbeweglich</i>
<i>В своей нахмуренной красе;</i>	<i>Die Tannen stehn in düstrer Pracht,</i>
<i>Отягчены их ветви все</i>	<i>Die Zweige schwer mit Schnee bedacht;</i>
<i>Клоками снега; сквозь вершины</i>	<i>Von oben durch das Astgestänge</i>
<i>Осин, берез и лип нагих</i>	<i>Von Erlen, Birken, Linden kahl</i>
<i>Сияет луч светил ночных;</i>	<i>Dringt still der Nachtgestirne Strahl;</i>
<i>Дороги нет; кусты, стремнины</i>	<i>Kein Weg, kein Steg, Gebüsch und Hänge,</i>
<i>Метелью все занесены,</i>	<i>Ganz zugeweht vom Wirbelwind,</i>
<i>Глубоко в снег погружены.</i>	<i>In tiefem Schnee begraben sind</i>

Заключительный фрагмент

<i>Спор громче, громче; вдруг Евгений</i>	<i>Der Streit wird laut; da zückt Onegin</i>
<i>Хватает длинный нож, и вмиг</i>	<i>Ein langes Messer, und im Nu</i>
<i>Повержен Ленский; страшно тени</i>	<i>Sinkt Lenski hin; und schon bewegen</i>
<i>Сгустились; нестерпимый крик</i>	<i>Sich grause Schatten dicht herzu;</i>

указывает, исходя из оценки дальнейшего повествования, на особую профетическую форму сновидения.

Далее для установления специфики темпоральной передачи сновидения уместно обратиться к прозаическому тексту:

“Da träumte mir, als käme die schöne Fraue aus der prächtigen Gegend unten zu mir gegangen oder eigentlich langsam geflogen zwischen den Glockenklängen, mit langen weißen Schleiern, die im Morgenrothe wehten. Dann war es wieder, als wären wir gar nicht in der Fremde, sondern bei meinem Dorfe an der Mühle in den tiefen Schatten. Aber da war alles still und leer, wie wenn die Leute Sonntag in der Kirche sind und nur der Orgelklang durch die Bäume herüber kommt, daß es mir recht im Herzen weh that. Die schöne Frau aber war sehr gut und freundlich, sie hielt mich an der Hand und ging mit mir, und sang in einemfort in dieser Einsamkeit das schöne Lied, das sie damals immer frühmorgens am offenen Fenster zur Guitarre gesungen hat, und ich sah dabei ihr Bild in dem stillen Weiher, noch viel tausendmal schöner, aber mit sonderbaren großen Augen, die mich so starr ansahen, daß ich mich beinah gefürchtet hätte. – Da fing auf einmal die Mühle, erst in einzelnen langsamen Schlägen, dann immer schneller und heftiger an zu gehen und zu brausen, der Weiher wurde dunkel und kräuselte sich, die schöne Fraue wurde ganz bleich und ihre Schleier wurden immer länger und länger und flatterten entsetzlich in langen Spitzen, wie Nebelstreifen, hoch am Himmel empor; das Sausen nahm immer mehr zu, oft war es, als bliese der Portier auf seinem Fagot dazwischen, bis ich endlich mit heftigem Herzklopfen aufwachte” [8, 18-19].

Сновидение представлено Й. Айхендорфом пятью предложениями. В первых двух темпоральность выражена ирреальным конъюнктивом в

имперфекте. В остальных предложениях автор использует индикативный залог в форме имперфекта. Следует заметить, что в пятом предложении отмечен конъюнктив ирреального события “*daß ich mich beinah gefürchtet hätte*”, однако в общей структуре предложения он согласуется с подачей цепочки реальных событий. Результаты анализа временной формы сказуемых позволяют представить грамматическую модель темпоральности текста:

$Im_{Con.} + Im_{Con.} + Im_{Ind.} + Im_{Ind.} + Im_{Ind.} > Im(Con^2 + Ind^3)$, где:

$Im_{Con.}$ – имперфект конъюнктив,

$Im_{Ind.}$ – имперфект индикатив,

Верхний символ – количество употреблений.

Таким образом, сновидение представляется как реальное событие, однако изначально обязательно маркируется указанием на ирреальность.

Иную темпоральную структуру являет произведение, написанное несколько ранее от первого лица. Надо иметь в виду, что цитируемый художественный текст августинского монаха Абрахама а Санта-Клара (настоящее имя Иоганн (Ганс) Ульрих Мегерле) появился в 1703 г., практически на начальном этапе развития современного немецкого языка, и воспроизводится с авторской пунктуацией и орфографией:

“Ich Gaudentius Hilarion edler Herr von Freuden-Thal habe vor etliche Monat einen wunderseltzamben Traum gehabt: es hat mir getraumet / als seie ich gereist in unerschidliche Länder / worinnen mir sehr vil denckwürdige Sachen unter die Augen kommen; unter anderen gelangte ich auch in Franckreich in die Statt Narbona, wo vor Zeiten Julius Caesar seine Legiones, und Soldaten-Schaar gehabt; in diser Statt Narbona bin ich in eines vornehmen Herrn Garten spatzieren gangen / daselbst hab ich auff einem dicken Eichbaum ein großmächtiges Nest wahrgenommen / hörte auch anbei ein zimbliches Zwitteren / kunte aber nicht urtheilen noch schliessen / was es für ein Nest seie / stache mich also der Fürwitz / daß ich umb ein Leiter geschaut / und hinauff gestigen / da fandte ich Wunder über Wunder / dann es war kein Vogel-Nest / sondern ein Narren-Nest / und sassen zwölff Narren in disem Nest...” [7, 3]

Этот фрагмент сновидения представлен одним предложением, хотя отображает целый ряд последовательных событий. Показателем события выступает глагольное сказуемое в соответствующей темпоральной форме, которая задается хронотопом “*vor etliche Monat*”, который требует прошедшего времени (“*Несколько месяцев тому назад я видел расчудесный сон: мне приснилось / будто бы я путешествовал по разным странам...*”). Подобная темпоральная семантика закономерна для повествования от первого лица). Автор избирает в повествовании перфект: “*es hat mir getraumet*”. Именно эта временная форма конъюнктива присуща глагольным сказуемым в четырех предложениях структуры текста. Исключение составляет лишь последнее “*da fandte ich*

Wunder über Wunder / dann es war kein Vogel-Nest / sondern ein Narren-Nest / und sassen zwölf Narren in disem Nest...”, где события отображены глаголами в имперфекте. По аналогии с предшествующей темпоральной моделью текста можно получить следующий результат:

Perf._{Ind.} + Perf._{Con.} + Perf._{Ind.} + Perf._{Ind.} + Im._{Ind.} > **Perf. (Ind³ + Con¹) + Im. (Ind.¹).**

Совершенно иначе темпоральность сновидения предстает в авторских пересказах сновидца. Это наглядно демонстрирует Мерет Оппенхайм (1913-1985), которая с четырнадцати лет записывала увиденное во сне. При этом она была уверена в том, что сны предсказывают будущее. Вот лишь один из эпизодов от 15 декабря 1935 г.:

“Ich hänge am Ast eines Baumes und versuche durch Hin- und Herschwingen einem Puma das nach mir schnappt, auszuweichen. Es gelingt mir endlich, mich hoch an den Berg zu schwingen. Ich sitze auf der Schwelle eines Hauses. Aber das Puma hat mich schon entdeckt und kommt um mich zu zerreißen. Ich nehme es am Kopf und breche ihm zwei Backenzähne aus” [10, 19].

По странному совпадению с предыдущими оригинальными текстами повествование М. Оппенхайм включает лишь пять предложений. Отличие темпоральности изложения автора-сновидца от повествования автора литературно-художественного текста состоит в том, что сновидец использует настоящее время действительного залога. Этот прием значительно упрощает темпоральную модель текста:

Präs.(Ind.⁵).

Таким образом, мы имеем две формы темпоральности воспроизведения сновидения. Одна из них функциональна в его передаче третьим лицом (зачастую “псевдосновидцем” – как у Абрахама и Й. Айхендорфа), другая – в собственном воспроизведении. Становление этих форм исторически связано с эволюцией представления о сущности феномена сновидения. Очень хорошо об этом высказался З. Фрейд: “Во времена, которые мы позволяем себе называть донаучными, люди в истолковании сна не имели выбора. Когда они, проснувшись, вспоминали его, то считали либо благим, либо угрожающим предзнаменованием более высоких, демонических и божественных сил” [9, 643], лишь гораздо позже пришло осознание того, что “...сновидение является собственным психическим продуктом спящего” [Там же].

Традиция восприятия сновидения как реальной действительности нашла отражение в лингвистической интерпретации формы сновидения от первого лица в настоящем времени. Чаще всего это обнаруживается в устной речи носителей языка (в нашем случае – немецкого). По всей видимости, это явление представляет собой психологический реликт непонимания реальности и псевдореальности. В самом деле, как можно воспринимать ирреальность, когда человек в самом деле видит во сне цепочку событий?

Вторая форма темпоральности получает развитие на фазе человеческого отграничения объективной действительности и субъективной. Она утверждается в немецком языке в виде многофункционального конъюнктива (в русском – сослагательного наклонения). Эта грамматическая категория является границей между отображением объективного мира и квази-объективного.

Примечательно, что в языке обе формы темпоральности имеют аналогичные правила релятивного согласования времен. Это обстоятельство позволяет утверждать, что индикативная темпоральность – атрибут реальной физиологической жизни человека, а конъюнктивная – маркированный онейролингвистический атрибут квази-жизни. С философской точки зрения, наличие двух параллельных темпоральностей указывает на двумерность бытия человека. И это бытие имеет цикличность во временном пространстве, но разделяется продолжительностью, примерно, в пять лет.

Результаты краткого анализа научного и эмпирического материала позволяют говорить о перспективности онейролингвистических исследований. В первую очередь, это касается исторического генезиса темпоральности и лексической символики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Темпоральность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – С. 5–58.
2. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. : Прогресс, 1969. – 347 с.
3. Когда сны – дурные предвестники [Электронный ресурс]. – Режим доступа к сайту : // <https://mir-press.com/111925-kogda-sny--durnye-predvestniki-full.html>
4. Материалистическая диалектика : в 5-ти т. Т. I. Объективная диалектика / под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова ; отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев. – М. : Мысль, 1981. – 374 с.
5. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон // Собрание трудов акад. А. Н. Крылова. – Т. VII. – М.-Л. : Просвещение, 1936. – 158 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге : сборник ; пер. с нем. / под ред. А. Л. Доброхотова. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.
7. Abraham S. C. Wunderlicher Traum von einem großen Narrennest / Sancta Clara a Abraham. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1991. – 23 S.
8. Eichendorff J. Aus dem Leben eines Taugenichts. Novelle / Joseph von Eichendorff // Herausgegeben von Carel ter Haar. – Erstpublikation: Carel ter Haar: Joseph von Eichendorff. Aus dem Leben eines Tauge-nichts. Text, Materialien, Kommentar (Reihe Hanser Literatur-Kommentare, Bd.6. – München : Carl Hanser Verlag, 1977. – 77 S.
9. Freud S. Über den Traum / Sigmund Freud // Über den Traum in: Gesammelte Werke, II und III Band, Frankfurt a. M., 1999. – 643-700 S.
10. Oppenheim M. Träume-Aufzeichnungen 1928-1985 / Meret Oppenheim // Herausgegeben und mit einem Nachwort von Christiane Meyer-Thoss. Mit Abbildungen. – Berlin : Suhrkamp Verlag, 2010 – 118 S.
11. Prokhorova P. Menschliches quasi-Leben: ein sprachphilosophischer Aspekt / P. Prokhorova // Німецька мова в Україні: традиції та перспективи розвитку = Deutsche

Sprache in der Ukraine: Kontinuitäten und Entwicklungen : Матеріали XXIII Міжнародної науково-практичної конференції Асоціації українських германістів (4-6 жовтня 2016 р.). – Львів : ПАІС, 2016. – С. 138-139.

Стаття надійшла до редакції 21 квітня 2018 року